
Кристина Юраш
Проданная драконом, купленная Смертью

Кристина Юраш

Проданная драконом, купленная Смертью

«Автор»
2025

Юраш К. Ю.

Проданная драконом, купленная Смертью / К. Ю. Юраш — «Автор», 2025

— Продается жена! Кличка — Рианнон. Бесплодна, без магии, скучна в постели. Десять золотых! Кто даст больше? В день тридцатипятилетия мой муж выставил меня на позорный аукцион прямо в бальном зале. Он снял с меня обручальное кольцо и надел верёвку на шею — по древнему обычаю, как с престарелой кобылой. Гости смеялись, любовница гладила живот с наследником, которого так и не смогла подарить я. И тогда я прошептала одно-единственное желание:— Забери меня… Только забери…Я не думала, что кто-то его услышит. Но его услышала Смерть.Не в плаще с косой, а в чёрном камзоле с вышитыми розами, с белоснежными волосами и глазами, где мерцали серебряные искры вечности. Он купил меня за две тысячи золотых, открыв тайну о моем особом даре.Но мне удалось вырваться. Теперь я работаю санитаркой у доктора. И дар пришелся очень кстати, чтобы спасать жизни тех, кто на грани.Но влюбиться в Смерть? Это что -то новенькое!А дракон?Дракон уже плачет. Но слишком поздно.

© Юраш К. Ю., 2025
© Автор, 2025

Кристина Юраш
Проданная драконом, купленная Смертью

Пролог. Позорный аукцион

– Продается жена! Кличка – Рианнон. Бесплодна, без магии, скучна в постели. Десять золотых! Кто даст больше? – разнёсся по залу голос моего мужа, герцога Абертона Арбанвиля, резкий, как удар хлыста по голой спине.

Эти слова вызвали улыбки на лицах гостей. Кто-то даже захлопал в ладоши.

По моей щеке прокатилась жгучая слеза стыда.

Я стояла посреди бального зала в одном нижнем белье – тонком, почти прозрачном, с кружевами.

Мои щеки были мокрыми от слез, но я не позволяла себе всхлипывать.

Не перед ними.

Не перед ним.

Не сейчас.

На шее у меня болталась веревка, как символ древнего обычая, согласно которому бесплодную жену можно выставить на торги, как скот.

В знак мужской обиды за брачное «обманулово».

Попав десять лет назад в этот мир, я, очарованная каретами, нарядами, поместьями и каминами, влюбленная в своего мужа, даже представить не могла, что моя сказка закончится так!

Десять лет назад, сидя с книжкой в метро, боясь пропустить свою остановку, я мечтала о замке и личном драконе.

Видимо, судьба была глуховата!

И не расслышала, что я хочу быть любимой женой, а не лошадью в его конюшне!

– Возможно, ещё способна к рождению… если приложить усилия. Всего-то десять золотых! – усмехнулся муж.

Сколько? Да это же копейки! Это же рублей пятьсот, если перевести на наши!

– Надеюсь, сумма не слишком огромна за товар, увы, не первой свежести! – усмехнулся муж, стараясь меня унизить еще сильнее. – Десять золотых! Кто даст больше?

Мои серьги – подарок в день свадьбы – уже держала в руках баронесса Вельская, поворачивая их к свету хрустальных люстр.

– Какая изящная старомодная огранка! – любовалась она, и ее подружки захихикали. – Наверное, из тех времён, когда женщины искренне верили в настоящую любовь!

Зал рассмеялся.

Браслет – тяжелый, с гравировкой «Вечность» – сверкал на запястье маркизы Даррен. Она то и дело поправляла покупку. Она отдала за него двести золотых.

А мое серебристое платье, сшитое к этому дню – с вышитыми звездами по подолу – валялось у ног графа Морента. Он вытирал о него сапоги, оставляя грязные полосы на шелке. За пятьсот золотых он мог себе это позволить!

Сегодня мне исполнилось тридцать пять лет.

И вместо цветов, тостов и объятий – аукцион.

– Давайте не будем обижать леди! – крикнул старый барон. – Пятнадцать!

Мой муж резко взял меня за подбородок и посмотрел мне в глаза.

– Ты посмотри, как щедро, – заметил он. – Целых пятнадцать золотых! Я бы за такую тварь, как ты, и ломаного гроша не дал!

– Двадцать! – подхватил кто-то из задних рядов, и все захохотали, будто это был цирк, а не мой позор.

– Он бы мог просто развестись, – послышался женский взволнованный шёпот неподалеку. – А не пользоваться древним обычаем! Развестись куда проще!

– Проще, но дольше! Это может занять несколько месяцев, и тогда он не сможет жениться на матери своего ребенка вовремя. Ребенок не будет считаться законным.

– А ты не слышала разве? Его величество с каждым днем чувствует себя всё хуже и хуже. А детей у него. Прямых наследников тоже. Арбанвили – ближайшие родственники короля. И его величество желает завещать трон сыну герцога! Но сына нет. А эта – бесплодна. Что с неё взять?

Две дамы прятали шёпот за веерами.

– После того, как попыталась отравить любовницу мужа, развода быть не может. Бедняжка еле выжила! И чуть не потеряла драгоценное дитя! Быть может, нашего будущего короля! Я считаю – поделом. Приличные женщины не должны замечать, если у мужа вдруг кто-то появился. Я ведь уже пять лет не замечаю! – послышался шёпот в ответ. – Да, дорогой?

– Семнадцать! – крикнул «дорогой», вызывая у дам смех.

– Кто больше?! – усмехнулся мой муж. – Неужели ставки кончились? Вот видишь, такая, как ты, считай, бесплатно никому не нужна!

Я смотрела на мужа. Его лицо, словно высеченное из безупречного мрамора, оставалось неподвижным и холодным, как зимний ветер, пронизывающий до костей. Ни гнева, ни жалости, ни интереса – ничего не отражалось в его чертах. Лишь ледяная пустота.

Темные, почти черные волосы, аккуратно зачесанные назад, обрамляли высокий лоб, придавая его облику еще большую отчужденность. Голубые глаза, похожие на застывшие льдинки, всегда источали презрение, когда встречались с моим взглядом.

Они не моргали, не дрожали, просто смотрели – равнодушно, словно я была лишь призраком, тенью, не заслуживающей внимания.

На шее, как неизменный символ его власти, висел медальон с изображением дракона. Он никогда не снимал его, даже во сне.

Руки мужа, сильные, с тонкими, почти изящными пальцами, никогда не дрожали. Ни в гневе, ни в страхе, ни в радости. Они двигались с механической точностью, словно принадлежали не человеку, а созданному для власти механизму.

И в этом заключалась его самая страшная тайна – он не был злым или жестоким. Он просто не чувствовал. Никого. Ничего. Даже меня. И думал только о том, как с помощью сына стать регентом.

– Что-то мало за тебя дают, ты не заметила? Ты хотя бы улыбнись! Может, кто накинет золотой за твою почти искреннюю улыбку, с которой ты пыталась отравить мою возлюбленную и моего ребенка! – процедил он, улыбнувшись гостям.

– Абертон, услышь меня! Я никого не травила! Я бы никогда в жизни не убила бы человека! Тем более беременную! Кем бы он ни была! Я бы никогда не опустилась до такого! – прошептала я.

Я бросила взгляд на красавицу Мелинду Вейл, которая была еще так слаба после отравления, что сидела в кресле в окружении заботливых слуг, угадывающих каждое ее желание.

– Жалкий лепет оправданий, – шёпотом усмехнулся муж. – Неужели торги окончены? Какой скучный вечер! А я говорил, что такая жена, как ты, гроша ломаного не стоит! Оказывается, был прав! А если так? Вы можете делать с ней всё что хотите! Хоть служанкой, хоть забавой на одну ночь!

– Двадцать пять! – тут же послышался голос с задних рядов.

– О! Двадцать пять уже интересней! – заметил муж, глядя на меня с холодом презрения.

Я сжала пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони. В горле стоял ком, глаза жгло. Я хотела кричать, бить, царапать – но магия брачных уз держала меня на месте, как невидимые цепи, впаянные в кости. Я не могла уйти. Не могла даже прикрыть грудь руками.

– Тридцать! – заявил некрасивый мужчина в пурпурном камзоле.

– Меня не интересует больше твоя судьба, – прошептал муж. – Ты знаешь, как я мечтаю о ребенке. О наследнике. Или наследнице. И всё равно сделала это! Яд нашли в твоей комнате!

– Это ложь! – прошептала я, чувствуя, как меня начинает трясти.

– Ложь – это то, что ты сейчас говоришь!

– А давай не будем ее продавать? Пусть моет полы, – пропела Мелинда, поглаживая живот. – Если уж не может родить – пусть хоть руки пригодятся.

Она сидела в первом ряду, как мать будущего короля, в розовом нежном платье, с руками, обнимающими живот. Её лицо сияло. Глаза – полны триумфа.

– Ладно, – сказала она, – пусть будет тридцать один. Всё-таки она еще не совсем высохла. Как-нибудь справится.

Мне казалось, что кто-то вырвал мою душу и выставил на продажу вместе с телом.

– Сорок!

– Пятьдесят! – перебил старый барон. – И то… дороговато! Не хочу, чтобы кто-то отравил мою любовницу!

Муж усмехнулся.

Он стоял у помоста в парадном камзоле, с бокалом вина в руке, как будто наблюдал за распродажей скота на ярмарке.

– Видите, какая исполнительная? Ни слова не скажет. Ни шагу не сделает. Идеальная служанка для тех, кто любит тишину.

И в этот момент, когда граф снова вытер сапоги о моё платье, когда Мелинда засмеялась, когда зал хохотал над моим позором… «О! Не усердствуйте, наш дорогой противник моды! Сейчас все присутствующие женщины на вас сильно обидятся!» – послышался смех.

Это платье шили три месяца. Швы, как обещания. Звёзды – как надежды. Теперь – грязь на шелке. Как и я. Как и всё, во что я верила.

Я молилась.

Не вслух. Не на коленях.

Шепот молитвы был где-то в груди, где еще теплилась искра жизни:

«Лучше умереть. Лучше исчезнуть. Лучше стать ничем, чем стоять здесь и чувствовать это. Забери меня. Смерть… только забери. Забери меня… Только забери… ».

На мгновение мир потемнел.

Не от слез. Не от обморока.

Я вдруг увидела себя сверху – маленькую, дрожащую, с веревкой на шее, окруженную смеющимися тенями.

Зал стал глухим, голоса – эхом.

А потом – рывок.

Я снова была в теле. Колени подкашивались. Сердце колотилось, будто пыталось вырваться.

«Что… со мной?» – мелькнуло в голове. Но не было времени думать.

Дверь распахнулась – не скрипнула.

Не открылась.

Вырвалась из петель, будто сама тьма решила вступить в игру.

Холод ворвался в зал – не зимний, не ночной. Это был холод конца. Холод, что леденит душу, а не кожу.

Смех оборвался.

Дыхание замерло.

Даже Абертон опустил бокал. Его глаза – ледяные, как всегда – теперь были полны недоумения. И… страха? Нет. Не может быть. Он же дракон. Он же богат. Он же – все.

А потом появился незнакомец.

Он шел по центру зала – медленно, с достоинством, которое не требовало ни свиты, ни короны. Черный плащ, обшитый черными розами, шелестел, словно крылья ночного хищника.

Белоснежные волосы – как лунный свет на могиле – спадали на плечи, обрамляя лицо, будто сошедшее с древней гравюры.

Вокруг глаз – причудливые тени, словно черные слезы потекли на бледные щеки.

Я увидела, как в глубине его светлых глаз, когда он посмотрел на меня, мелькнули серебряные искры, будто звезды над заброшенным кладбищем.

Я не знала, что это значит. Но сердце сжалось – не от страха.

От узнавания.

И эти глаза смотрели прямо на меня. На меня. Только на меня.

В них не было пустоты, как у Абертона. Там был голод. И что-то… личное.

Я почувствовала, как по коже побежали мурашки – не от холода, а от странного, почти интимного ощущения: он знает меня. Лучше, чем я сама.

Незнакомец был красив. Ужасно красив. Как будто сама смерть решила надеть парадный камзол и поиграть в аристократа.

И я поняла.

Это – Смерть.

Не метафора. Не символ. Не призрак.

И он пришел за мной.

Глава 1. О, Смерть!

Лакей – тот самый, что до этого подносил вино и кривлялся перед герцогом – шагнул навстречу незнакомцу, выпрямив спину, надуваясь от важности:

– Господин! У вас есть пригласительный? Без него вход запрещен! Мы не можем позволить себе…

Голос его затих. Словно кто-то вырвал у него язык. Потому что Смерть даже не взглянул на него.

Просто прошел мимо – как будто лакей был призраком, а не человеком.

Лакей, оскорбленный, дерзкий и немного выпивший, схватил незнакомца за плечо:

– Эй! Господин! Я, кажется, с вами разговариваю!

И в ту же секунду его лицо исказилось.

Не от боли.

От ужаса.

Он посмотрел на свою руку – кожа на пальцах потемнела, покрылась трещинами, как старая бумага. Он хотел закричать – но крик застрял в горле.

И он упал. Без звука. Без борьбы. Как кукла, чьи нитки перерезали.

Зал ахнул. Кто-то даже сделал шаг назад.

– Он… он мертв! – завизжал голос прислуги. – Он мертв! О боги, он мертв!

Цветы в вазах – роскошные, только что принесенные, алые, пышные розы – начали увядать.

Не медленно.

Не постепенно.

Мгновенно.

Лепестки сморщились, потеряли краски и свежесть, потускнели, побурели и стали осыпаться на столы и пол. В считанные секунды – ни одного живого цветка. Только серые лепестки на полу там, где прошел незнакомец.

Как будто веселье, что царило в этом зале, развеялось властной рукой.

Как будто жизнь, что кипела здесь еще пару минут назад, испарилась, оставив только холод, мрак и тлен.

Гости расступились.

Как будто перед ними шел не человек.

Живой коридор образовался – от двери до меня. Никто не смел приблизиться. Никто не смел заговорить.

Только дрожь.

Только взгляды.

Только страх, застывший в глазах.

Смерть шел ко мне.

Каждый его шаг заставлял меня вздрагивать. Каждый шаг – как конец чего-то. Каждый шаг – как приговор.

Абертон, наконец, нашелся. Его ледяные глаза сузились, глядя на незваного гостя.

Тем временем гость поравнялся с Мелиндой, застывшей в панике и обнявшей живот обеими руками. Словно и ее коснулась аура вечности.

Абертон бросил взгляд на нее, на дрожащие руки, обнявшие живот, и выступил вперед, сжав кулаки, но в его глазах – не ярость. Не гнев. Страх. Страх за еще не родившееся дитя.

– Вы… кто? – прошипел Абертон, становясь так, чтобы оказаться между гостем и ребенком. – Кто вы такой, чтобы нарушать мой вечер?!

В его взгляде мелькнула тень. Тень, которую он быстро спрятал. Как будто он сам испугался того, что увидел.

Смерть остановился в двух шагах от меня.

Его взгляд – как ледяной нож – скользнул по гневному лицу Абертона.

И тогда Смерть заговорил.

Голос – тихий, красивый, мягкий, чуть глуховатый, словно шелест цветов на надгробии.

– Я тот, кого звала ваша жена, мистер Абертон Арбанвиль. Мне очень жаль, но придется ее забрать.

В этот момент взгляд Смерти уперся в меня. Сердце обрушилось вниз, а перед глазами потемнело.

Я замерла. Голова закружилась.

Нет. Нет, нет, нет!

Я ведь просто… я просто шептала… я просто молила… я не хотела… я не знала, что он и правда может прийти! Я до последнего была уверена, что я просто упаду и всё. И, быть может, на мгновенье перед глазами промелькнет старуха с косой.

Абертон не понял. Он нахмурился, как ребенок, которому не объяснили игру.

– Что? О чем вы говорите? Она не звала никого! Она больше не имеет никаких прав в этом доме. И уж подавно приглашать гостей.

Глава 2. Проданная

– Мистер Арбанвиль, давайте не будем спорить. У меня не так много времени. Она звала меня, – вкрадчиво и безукоризненно вежливо повторил Смерть, удостоив взглядом моего мужа. – Она шептала. Внутри себя. В своей груди. Где еще теплилась искра жизни. Она просила: «Забери меня. Только забери».

Он повернулся ко мне.

– Ты просила. Я пришел. Так какая была последняя ставка? Надеюсь, этого хватит?

Он достал мешок.

Не маленький. Не кожаный. Мешок – из черного шелка, с серебряным шнурком. И небрежно бросил его Абертону.

– Здесь две тысячи. Можете пересчитать, – вежливо улыбнулся Смерть.

Ого! Две тысячи!

Мешок упал к роскошным сапогам моего мужа. Золото зазвенело. Золота было так много, что оно высыпалось из мешка, как река, и затопило ноги Абертона.

– Я покупаю ее, – вкрадчиво и тихо сказал Смерть. И его взгляд снова застыл на мне.

Я задергалась, но брачные узы удерживали меня. Я дергалась так сильно, так отчаянно, что, казалось, шевельнулась!

В этот момент… время остановилось.

Не в смысле «все замерли».

Нет.

Все замерли.

Даже лепесток, который падал с вазы, повис в воздухе, так и не долетев до пола.

Невидимая пауза.

Мир затаил дыхание.

Я почувствовала… как будто я вышла из своего тела.

Как будто я – дух, наблюдающий за собой со стороны.

Я видела себя – стоящую в кружевном белье, растрепанную, бледную, с веревкой на шее, с мокрыми от непросыхающих слез щеками.

И я видела его – Смерть – рядом. Так близко, что я чувствовала его холодное дыхание на коже. Он смотрел не на мое тело. А на меня. Словно видел меня даже сейчас.

Его рука, затянутая в черную перчатку, поднялась – медленно, как будто боясь спугнуть птицу.

Он снял перчатку.

И я ахнула.

Под тканью была не плоть, а кость – белоснежная, гладкая, изящная, как у статуи древнего бога. Ни уродства, ни ужаса – только холодная, вечная красота того, кто видел начало и конец мира.

Его пальцы коснулись моей щеки.

Ледяные. Но бережные.

– Вот ты где, – послышался шепот, а глаза Смерти посмотрели на меня. – Попалась. Наконец-то… Я пришёл не потому, что ты звала. Я пришёл, потому что ты не должна была умереть сегодня…

Я вздрогнула, чувствуя холод прикосновения.

Не жгучий. Не резкий. Ледяной. Как первый снег на могиле.

Я услышала его голос. Не в ушах. В душе. Всюду. В каждом уголке моего существа.

– Какая душа… Сколько в ней страданий… Сколько мучительных мыслей… И сколько боли… Ничего, сейчас все закончится, не бойся, пылинка, – послышался шепот, скользящий мурашками по коже.

Я хотела закричать. Хотела оттолкнуть его. Хотела убежать. Но я не могла. Я была в ловушке. В ловушке своих слов. В ловушке своей молитвы.

И только сейчас я осознала весь ужас ситуации!

Я не хочу умирать!

Я не готова.

Я даже завещание не написала!

Я погорячилась.

Я была в отчаянии.

Я хотела спастись от позора, от унижения, от Абертона… Но не такой ценой! Нет!

– Нет… – прошептала я. Голос сорвался. – Нет… пожалуйста… не надо…

Смерть не ответил. Он просто… улыбнулся. Не злобно. Не торжествующе. Его улыбка была спокойной.

Он поднял руку и взял в нее веревку, что болталась у меня на шее.

– Нет… – задыхаясь своим страхом, повторила я, представляя, что он сейчас дернет за нее. – Нет… я не хочу… я не готова…

Он наклонился. Почти коснулся моего лба своим лбом. И прошептал:

«Ты позвала. Я пришел. Не бойся… Ты ведь еще здесь… Ты ведь еще не… умерла. Ты думаешь, я пришёл за любой душой? Нет. Я пришёл за тобой. За твоим редким даром…»

– У меня нет никакого дара, – едва слышно прошептала я. – У меня даже магии нет…

«А это что тогда?» – прошелестел голос.

Я дернулась, снова оказавшись на своем месте.

И тогда мир снова отмер.

Звук вернулся. Шаги. Вздохи. Крики. Лепесток упал. Я снова очнулась в своем теле, испуганно глядя на мужа и гостей.

Его пальцы в чёрной перчатке скользнули по моей шее – не как палач, а как влюблённый, проверяющий пульс на сонной артерии.

Я вздрогнула. Не от страха.

От того, что его прикосновение обожгло холодом – и в этом холоде вспыхнуло что-то тёплое.

«Ты дрожишь», – прошептал он, и его дыхание коснулось моего виска. – «А ведь я ещё ничего не сделал».

В зале замерли даже часы. Но я слышала только стук своего сердца – слишком громкий для человека, который вот-вот умрёт.

– Мне кажется, это лишнее, – заметил тихий голос, а руки сняли веревку с моей шеи и бросили под ноги мужу.

– Прошу вас, леди Арбанвиль, – произнес Смерть тихим шёпотом с изысканной вежливостью, протягивая мне руку, туго затянутую в дорогую перчатку. – Не бойтесь. Это уже конец…

Глава 3. Больше не жена

Я смотрела на Абертона.

Муж стоял у помоста, бокал в руке, взгляд – как ледяной нож. Он не знал, что делать. Не знал, кто этот человек в черном. Не знал, почему золото звенело у его ног. Не знал, почему цветы умерли. Не знал, почему лакей лежал без движения.

Я посмотрела с мольбой в глазах, как на последнюю надежду. Мне казалось, что в моем взгляде застыл немой крик.

Я хотела, чтобы он вспомнил. Вспомнил, как дарил мне серьги. Как целовал меня в лоб. Как шептал: «Ты моя». Вспомнил, что я – его истинная. Что я бессмертна, пока мы вместе…

Это могло бы меня спасти.

Но он не вспомнил. Он просто… отвел взгляд. И в этом было самое страшное – он не хотел видеть меня. Не хотел слышать меня. Не хотел спасать меня.

«Пожалуйста…» – шептали они. «Спаси меня… Останови его… Ты же мой муж… Ты же дракон… Защити меня…»

Он не двинулся. Не сказал ни слова. Только сжал кулак. И отвел взгляд.

И я поняла – он не защитит меня. Он не спасёт меня. Он даже не попробует. Потому что он уже выбрал сторону. Сторону Мелинды. Сторону нового ребёнка. Сторону своего драконьего наследия.

– С этого момента она мне больше не жена! – произнес Абертон, а я почувствовала, как магия брачных уз спала, и я снова могла пошевелиться.

Смерть протянул мне руку. Не костяную. Не холодную. Не страшную. Обычную. Сильную.

Как будто он знал – я не смогу отказать.

А Абертон… Он даже не поднял руки. Не сказал ни слова. Просто стоял. Как будто я была для него пустым местом. Пустой оболочкой. Мусором, который нужно поскорее вынести из зала и его жизни.

На мгновенье я представила Абертона на коленях возле моей могилы.

Могущественный герцог, дракон обнимает мраморную плиту с моим именем, гладит холодный камень и высеченные буквы, словно пытаясь найти утешение там, где его уже нет.

Он прижимается к холодному надгробию.

“Как я мог… Как я мог так с тобой поступить… Ты ведь никогда меня не простишь за это… Я знаю… Я поверил словам любовницы и подкупленной служанки… Теперь я знаю правду. Ты – невиновна. Но теперь все кончено. Теперь тебя больше нет…. Я уничтожил тебя своими руками, а сейчас стою на коленях и умоляю камень о прощении… Прости, прошу тебя… Прости… Я не могу без тебя…”

Он гладит мое холодное имя, вспоминая, как оно звучало в коридорах дома, как слетало с его губ.

“Только сейчас я понял, как я люблю тебя… Ответь… Не молчи! Прошу…” – раздавался эхом голос в моих мыслях.

– Пойдем, – прошептал Смерть. Голос – как шелест ветра в могильных камнях.

Я не ответила. Не закричала. Не убежала.

Я просто… еще раз взглянула на мужа, чувствуя, как у меня сдавило горло от непролитых слез.

– Перед лицом смерти, – прошептала я, стараясь говорить уверенным голосом. – Я клянусь, что я невиновна в том, в чем ты меня обвиняешь! И пусть то, что случилось, будет на твоей совести! Прощай…

Я зажмурилась и положила руку поверх протянутой руки в черной перчатке.

Глава 4. Беги!

Мне казалось, что меня сейчас дернут, стащат вниз, грубо бросят в темную бездну. И даже мысленно приготовилась к этому, но прикосновение было мягким. Бережным.

А вот сама хватка – крепкой.

В эту же секунду мое тело пронзил холод. Словно тысячи игл впились в меня одновременно.

Мы шли, а я обернулась. В последнюю секунду глядя на мужа. Тот был бледен. Он понял. Только что он все понял. Бессмертный дракон понял, кто услышал мои молитвы.

– Господин Абертон, – заметил Смерть. В тишине зала его голос был отчетливо слышен. – Вам есть над чем подумать…

В последний момент Абертон подался вперед. Сердце замерло.

Но тут же его схватила за полу камзола рука Мелинды. Она вцепилась в него мертвой хваткой, и Абертон остановился.

Мы вышли из душного зала в туман сырой улицы.

Он обволакивал нас, как пелена смерти. Серый. Холодный. Без звука. Только шаги. Мои – дрожащие. Его – тихие. Ровные. Нескончаемые.

И я почувствовала странный запах.

Сладкий запах чайной розы. Озон после грозы. И пепел – тёплый, несмотря на холод, как будто недавно сгорела чья-то надежда.

Я вдыхала этот странный запах – и понимала: это не просто воздух. Это его дыхание.

Я оглянулась. Зал исчез. Гости, как призраки, растворились в тумане. Абертон, как тень, исчез в глубине.

И всё же… Я помнила другого Абертона.

Того, что в ночь нашей свадьбы, когда я дрожала от холода и страха в чужом мире, завернул меня в свой плащ и прошептал: «Ты теперь моя. И никто не посмеет тебя обидеть».

Того, кто в первый бал после помолвки отвесил пощёчину барону, осмелившемуся назвать моё платье «провинциальным».

Я помнила дракона, чьи пальцы были не сталью, а теплом…

Но это был не мужчина. Это была сказка.

А сказки, как оказалось, не живут дольше тридцати пяти лет.

Туман поглотил всё.

И тогда я поняла.

Это – конец.

Не аукцион. Не позор. Не унижение.

Конец жизни.

И я… Я начала паниковать. Сердце билось в груди так быстро, словно пыталось наступчаться на много лет вперед. Воздух вдруг показался таким свежим, сладким. И я стала глотать его, словно сейчас меня утащит под воду.

Я понимала, что всё… Всё кончено… И животный ужас сковал мое тело.

– Нет! – вырвалось из груди. – Нет, я не хочу! Я не готова! Я не хочу умирать!

Я попыталась вырваться. Но рука Смерти – как сталь. Как цепь. Как судьба.

– Отпусти меня! – закричала я, дергаясь, пытаясь вырваться.

Смерть не ответил. Просто шел. Вперед. В туман. В темноту.

От накатывающей волны паники я стала задыхаться.

– Я не хочу! Я погорячилась! Я хотела, чтобы боль остановилась! Не чтобы я… чтобы я… умерла!

Мы на мгновенье остановились. Смерть медленно повернулся.

И в его глазах вдруг появились трещины, будто лёд на озере под тяжестью невыносимой боли.

Воздух вокруг нас замер. Даже туман перестал колыхаться.

– Не испытывай моё терпение, пылинка, – прошептал он. – Даже у Смерти есть предел.

Я поняла. Терять мне больше нечего! И я рванула.

Резко.

С силой.

Как будто в моей груди проснулась жажда жизни. Как будто я вспомнила – я еще могу дышать. Еще могу бегать. Еще могу жить.

Я вырвалась. Я смогла!

Забыв обо всем на свете, я побежала.

Без оглядки. Без мыслей. Только страх. Только желание выжить.

Туман клубился вокруг меня. Каждый шаг – как вязкая трясина. Каждый вдох – как ледяной нож в легкие.

Но я бежала. И мне казалось, что пока я бегу, я живу!

Каждая секунда жизни стала вдруг бесценной!

Я не хотела умирать. Я хотела жить! Как угодно! Где угодно! Просто жить! Я еще не отдала этой жизни всё, что должна!

Я рванула вперёд, вгрызаясь босыми ногами в мокрую брусчатку.

За спиной – ни шагов, ни дыхания. Только тишина.

И всё же я чувствовала его взгляд – как ледяной след по позвоночнику.

«Он не гонится. Он ждёт», – мелькнуло в голове.

Я оглянулась – и на миг вылетела из тела.

Сверху увидела себя: маленькую, дрожащую, бегущую по узкому проулку, будто крыса в ловушке.

А он стоял там же, где я оставила его.

Не двигаясь.

Улыбаясь.

Я рухнула обратно в плоть – и застыла.

Потому что поняла: убежать от смерти нельзя.

Потому что уже знала, каково это, когда Смерть держит тебя за руку…

Но можно попытаться договориться.

Глава 5. Пылинка

Забежав в какой-то проулок – тёмный, засыпанный опавшими листьями, пахнущий сыростью и гнилью – я резко затормозила и…

Нет! Быть такого не может!

Я закрыла рот рукой, чувствуя, как по холодной руке стекают горячие слезы.

Нет…

Смерть стоял передо мной.

Он вырос прямо на моем пути черной величественной фигурой.

Не злясь. Не торжествуя. Просто… стоял.

Как будто я никогда и не убегала.

И в этом было самое страшное – он не преследовал меня. Не гнался за мной по пятам, хотя мне так казалось. Он ждал. Ждал, пока я остановлюсь перевести дух.

Я сглотнула и сделала шаг назад.

Еще шаг…

Все тело дрожало, а я понимала, что смерть невозможно обмануть. Как ни пытайся.

Я упала на колени, впиваясь ногтями в мокрую брусчатку.

– Ты… не уйдешь, – сказал он.

– Почему ты не слышишь?! – вырвалось у меня. – Я не хочу умирать! Я просто хотела, чтобы боль остановилась!

Он опустился передо мной, и его пальцы коснулись моей щеки – не как палач, а как тот, кто помнит, как выглядела моя душа до позора.

– Боль – не твоя судьба, пылинка, – прошептал он. – Но ты сама её позвала.

Я прижала руку к лицу, размазывая грязь. Но мне было уже все равно. Я умираю! Я это чувствую… Когда он рядом, я чувствую, как слабею…

Смерть стоял рядом со мной на одном колене. Его лицо оказалось так близко, что я чувствовала его холодное дыхание.

– Ты звала меня, – прошептал он, словно разговаривая с ребенком. – Ты просила: «Забери меня. Только забери». И я пришел.

– Ты что? Приходишь за всеми? – спросила я, чувствуя смесь страха и чего-то еще.

– Нет. Не за всеми. Только за теми, кто однажды может перейти мне дорогу, – улыбнулся Смерть. – Поэтому я пришел к тебе лично.

Он убрал с моего лица прядь волос заботливым движением. А потом достал платок и стер грязь с моей щеки.

– Так, – из последних сил прошептала я, понимая, что это мой последний шанс. – Давай договоримся… Если хочешь, я тебе даже неустойку заплачу… Эм… За ложный вызов…

Смерть не засмеялся. Просто посмотрел на меня. Глаза – как две звезды в ночи. И в них – лёгкая улыбка. Не насмешливая. Не злобная. Просто… усталая.

– Неустойку за ложный вызов? – услышала я.

– Да! Ну, я понимаю, что выдернула тебя… Оторвала от важных дел и тел, – прошептала я, глядя ему в глаза.

Он молчал. Просто смотрел на меня, а я понимала, что сморозила глупость.

«Поздравляю! Ты только что обидела Смерть, сравнив его с мальчиком по вызову!» – пронеслось в голове.

– Так! – прошептала я, стараясь успокоить дрожь в голосе и вихрь мыслей в голове. – Предлагаю попить чаю и все обсудить…

– Чай? Серьёзно? У меня, знаешь ли, нет с собой чайника, – улыбнулся Смерть.

У меня тоже! Знала бы – привязала бы к себе чайник! Нет, ну должен же быть выход! Должен!!!

– Я все, что хочешь сделаю… Только отпусти! – закричала я, хватая его за рукав. – Что?! Что мне нужно сделать, чтобы ты ушел! И не появлялся еще лет… эм… сорок… А лучше пятьдесят! Я не претендую на звание долгожителя! Это так, к слову.

Внимательные глаза смотрели на меня. А я лихорадочно пыталась прочитать в них хоть намек.

– А что ты можешь сделать? – спросил он, тряхнув белыми волосами, поднимая меня с земли. – Что ты можешь мне дать такого, чего у меня нет?

Я смотрела в его глаза и видела в них бездну.

– Подумай сама, – легкая тень улыбки коснулась его губ, а брови приподнялись. – Я – Смерть. У меня есть все. Я могу по щелчку пальцев убить половину города. А то и весь… Что ты можешь мне предложить, чего у меня нет?

– Кисточку для чистки пупка или любовь, – прошептала я первое слово, что пришло на ум.

– Любовь? – заметил Смерть, глядя на меня со снисхождением.

Глава 6. Последнее желание

Он вздохнул.

– Для меня вы – пылинки. Пылинкой больше, пылинкой меньше… И оттого, что какая-то пылинка предлагает мне любовь… Согласись, это смешно. Однажды я приду за каждым, – произнес Смерть. – Даже за драконами.

– Хочешь сказать, – прошептала я, радуясь, что пока еще жива, – что драконы – крупные огнедышащие пылинки?

Я увидела тень улыбки на его лице.

– Ты пытаешься меня заболтать. Не выйдет, – послышался тихий голос. – Пойдем, пылинка. Тебе пора.

– Погоди, – дрожащим голосом произнесла я, чувствуя, как паника нарастает. – А последнее желание… У меня сегодня, между прочим, день рождения!

– Поздравляю. Желать счастья, здоровья, любви и денег не стану. Там они тебе не пригодятся, пылинка, – усмехнулся Смерть. – Поэтому желаю тебе покоя.

– А желание! Последнее желание! – запаниковала я, цепляясь за последние мгновения жизни.

– Я уже исполнил твое последнее желание. Десять лет назад. В другом мире, – произнес Смерть.

Мне показалось, что по моему телу прошел электрический разряд. Откуда он знает? Откуда он знает, что я из другого мира? Хотя да. Он – Смерть. Вопрос снимается с повестки!

– Я… Я не помню, – прошептала я, глядя на его красивое лицо.

– Вспоминай. Ты стояла и ждала вагон метро, уткнувшись в телефон.

Меня снова ударило током.

– Ты еще тогда улыбалась. Читала про то, как дракон умоляет возлюбленную вернуться к нему. Коричневое пальто. Сумка через плечо. Осень. В кармане сахар от кофе, мелочь и ключи. А потом какой-то пьяный подошел познакомиться. Ты сказала ему, что не знакомишься. А он обиделся и толкнул тебя на рельсы.

Я сделала глубокий вдох, словно очутилась в тот самый миг падения.

Я помню жуткий гул из черного туннеля, нарастающий. Секунды до неизбежного. Поезд уже идет. Он близко.

Разбитый телефон, крики людей, сумку на грязных черных рельсах… И панику внутри. Я попыталась выбраться, чувствуя, как от ужаса ослабели руки, и… Все произошло мгновенно. Словно вспышка перед глазами.

И в эту же секунду я очнулась в теле невесты герцога, дракона, в сказке, о которой и мечтать не смела.

Сегодня сказка кончилась.

– И как это одно с другим… того? – прошептала я пересохшими от волнения губами.

Я попыталась сглотнуть и зажмуриться. Меня все еще трясло.

– Сомневаюсь, что я могла пожелать мужу любовницу! – уверенным голосом произнесла я. – Нет, конечно, я рассматривала любовницу как подарок мужу, но только в глубокой старости, когда он дряхлой немощью будет трястись в кресле.

Смерть усмехнулся – и в его глазах вспыхнули те самые серебряные искры, будто он впервые за века услышал что-то смешное… и настоящее.

Его рука коснулась моей.

Я вздрогнула.

Перчатка исчезла.

– Разве это так страшно? – спросил он тихо.

Его пальцы скользили по моей коже, холодные, как зимний ветер. Но этот холод не вызывал страха.

– Не знаю, – прошептала я, следя за его пальцами.

– Ну согласись, – улыбнулся он, а его руки мягко обхватили мое запястье. – Это – не самая худшая смерть…

– Но… Я не могу просто так умереть! Вот так! Внезапно! – прошептала я, понимая, что сердечный приступ еще никто не отменял!

– Почему же внезапно? – с удивлением прошептал Смерть. – Сегодня утром ты, не догадываясь об этом, выпила особенный чай. В нем был яд. Он незаметный. Проявляет себя не сразу. И вот сейчас он уже начал действовать… Пойдем, пока не стало больно.

Глава 7. Последний вздох

Внезапная боль ворвалась в меня – не как кинжал, а как огненный шип, вонзившийся под рёбра и начавший выжигать изнутри.

Я рухнула на колени, сжимая живот, будто могла удержать внутри то, что уже уходило…

– А-а-а… – вырвалось, но звук утонул в горле, как последний пузырёк воздуха у тонущего.

Я согнулась пополам, будто кто-то сжал мои внутренности в кулаке и начал выжимать из них всё: жизнь, надежду, даже последние крохи достоинства.

– А-а-а… – вырвалось у меня, но звук был глухой, будто я уже не принадлежала этому миру.

Спазм подкатил к горлу, как волна прилива – жёсткий, безжалостный, давящий. Я не могла дышать. Не могла кричать. Не могла сделать ничего, кроме как корчиться от невыносимых нарастающих судорог.

– Меня почти не мучает совесть, ведь я предупреждал, – послышался голос Смерти.

Боль ударила под рёбра – огнём, льдом, кинжалом.

Я рухнула на колени, впиваясь ногтями в брусчатку.

– А-а… – вырвалось, но звук утонул в горле.

«Завещание…» – мелькнуло. «Хотя что завещать? Пусть Абертон моет полы в аду… А Мелинда носит ему ведра!»

И вдруг – рывок.

Я вылетела из тела. Просто… вдруг рванула вверх и увидела себя со стороны.

Внизу – моя плоть корчилась в агонии.

Моё тело – в грязном белье, на мокрой брусчатке, корчится, как рыба на берегу. Руки царапают камни, ногти ломаются, губы шепчут что-то бессвязное. «Не хочу… не сейчас… не так…»

А рядом – он.

Смерть.

Стоит, как статуя из чёрного мрамора и лунного света. Ни жалости. Ни торжества. Только… ожидание.

Смотрел не на тело. На меня.

– Пойдём, – сказал он. Не приказал. Не потянул. Просто протянул руку.

И я… почти согласилась.

Я понимаю, что не хочу возвращаться к этой боли, которая прожигает насквозь. Мне страшно от одной только мысли, что мне придется вернуться в тело.

Поэтому подала дрожащую руку, чувствуя леденящее прикосновение вечности.

Шаг…

Еще шаг…

Я словно иду по земле, но не чувствую ее.

Туман смыкается за нами, словно занавес в театре. Остались лишь аплодисменты дождика по подоконнику и шлепанье мокрых листьев на дереве.

Пространство словно раздвинулось, а потом снова срослось за нашими спинами.

Я шла в тумане посреди странного леса.

Лес – не лес. Серый. Без птиц. Без ветра. Без даже намёка на жизнь. Деревья – как скелеты, вытянувшие костлявые пальцы к небу, которое не существует. Только бесконечная серость там, высоко. Всё здесь – эхо. Отголосок.

Последний вздох мира, который я покинула.

Глава 8. За гранью

Я иду, понимая, что так не должно было быть. Так нечестно! Я не знаю, кто подмешал мне яд, но догадываюсь, что без очаровательной «жена, подвинься» не обошлось.

От обиды мне хочется плакать. Но слез нет. Только сухость в глазах.

В конце тумана замаячила дверь.

Не крышка гроба. Не пафосные врата ада. Не золотые врата рая.

Просто… дверь.

Старинная. Деревянная. С медной ручкой, потемневшей от времени. На ней – ни надписи, ни символа. Только тишина. Казалось, это просто дверь в обычную комнату. Откроешь ее, а там ничего страшного.

Я иду к ней.

С каждым шагом – легче.

Боль исчезает.

Страх – растворяется.

Даже мысли стихают, как волны после шторма.

Сердце бьётся всё реже.

Раз…

Пауза…

Ещё раз…

И я понимаю: это конец. По-настоящему. Никаких «может быть», «вдруг повезёт», «а если передумает». Смерть останавливается у самой двери. Поворачивается ко мне. Его глаза – чёрные, но в них – не пустота. В них – усталость. Вековечная, глубокая, как сама вечность.

– Всё закончилось, пылинка, – говорит он тихо и ласково. – Ты свободна.

Я смотрю на него. И вдруг – смеюсь. Сквозь слёзы. Сквозь боль, которая уже не моя.

– Свободна? – хриплю я. – От чего? От мужа, который продал меня, поверив ложному обвинению? От любовницы, которая вытирала ноги о моё свадебное платье и отравила меня? От мира, где женщина – либо мать, либо мебель? В этой истории зло так и не наказано! И вот это до слёз обидно! Почему я должна умереть, а они будут жить и наслаждаться жизнью? Где справедливость?

Я сжала кулаки, хотя чувствовала, как пальцы уже теряют тепло.

– Ты называешь это свободой? Это побег! А я не хочу бежать! Я хочу вернуться и заставить их заплатить!

Смерть молчал. Но в его глазах – не пустота. А понимание.

– Ты сказал, что пришёл за моим «редким даром». А какой у меня дар, а? Умею плакать втихую? Умею молчать, когда меня унижают? Умею умирать красиво? – прошептала я, понимая, что всё не так. Так не должно было быть!

Глава 9. Дыши!

Смерть смотрел на меня. Долго. Потом тихо произнес:

– Ты думаешь, я пришёл за твоей болью? – прошептал он. – Нет. Я пришёл за тем, что делает тебя опасной для мира живых. Ты выходишь из тела – и не умираешь. Ты видишь меня – и не сходишь с ума. Для кого-то это дар. Для кого-то проклятие.

– А я, как обычно, этим не пользовалась! Вот так живешь, а у тебя редкий дар! И только на пороге смерти узнаешь, что ого-го какая ты! И всё ты можешь! Вот теперь вдвойне обидно.

Я замираю.

Слёзы – горячие. А всё вокруг – ледяное.

– Ну, раз так, то я могу вернуться? – шепчу я.

– Уже нет, – отвечает он. – Как только ты откроешь эту дверь, пылинка, возврата не будет.

– А что там? – прошептала я, вцепившись в его руку. Мои глаза наполнились слезами.

– Я никогда не говорю, что там, – заметил Смерть. – Скоро сама всё увидишь…

И в этот момент —

Рывок.

Будто за волосы. За сердце. За саму душу. Я увидела, как глаза Смерти распахнулись, а меня рывками невидимая сила тянет назад!

Я чувствовала, как моя рука разжимается. Видела, как удаляется дверь. Что это такое? Что это всё значит?

Меня выдёргивают из тумана, из холода, из его ладони – обратно в боль. Только на этот раз боль намного слабее. Она почти призрачная. Терпимая.

– Давай, девочка! Давай! – слышу я сквозь пелену. Голос – хриплый, старческий, мужской, но такой… живой. – Ты сможешь! Я знаю! Ты сильная! Молодая! Не сдавайся! Тебе еще жить и жить!

И —

Вздох.

Резкий. Судорожный. Как будто впервые в жизни. Словно я вынырнула из воды, и тело само решило: «Дыши!».

Я лежу.

На кровати. Мягкой. Пахнущей травами.

Жадно хватаю воздух.

Воздух в лёгких – горячий, влажный, пахнущий дымом и вербеной.

Не туман. Не пепел. Жизнь.

Где-то рядом – треск камина. Запах лекарств. И… биение.

Бум-бум. Бум-бум.

Моё сердце. Оно бьётся!

Живое. Настоящее.

Я открыла глаза.

Надо мной – старик в потрёпанном халате, с седой бородой и глазами, полными упрямой надежды.

– Ну наконец-то! – выдохнул он, вытирая пот со лба. – А я уж думал, не вытащу.

Глава 10. Доктор

– Кто… кто вы? – прохрипела я, видя на столе пустые склянки.

– Доктор Томаш Эгертон, – сообщил старик, убирая склянки со стола.

Я закрыла глаза, повторяя про себя, как молитву, имя моего спасителя. Томаш Эгертон. Томаш Эгертон.

Смерть… исчез.

На меня обрушилась тяжесть этого мира, словно я попала под пресс.

– Опасность миновала, – обрадовал меня доктор Эгертон. – Хотя я был уверен, что не вытащу. Думал, слишком поздно. Но, как видишь, смог. Считайте, что у вас второй день рождения.

– У меня на самом деле сегодня день рождения, – выдохнула я. – Первый.

– О, какое невероятное совпадение! Поздравляю! Желаю вам крепкого здоровья, долгих лет жизни, любви. И не пить больше яд.

Я лежала, чувствуя слабость. Вроде бы я всего-ничего побыла в сознании, а устала так, словно за автобусом бежала десять остановок.

Прикрыв глаза, я пошевелила пальцами, успокаиваясь.

– В честь дня рождения могу поставить вам свечку, – усмехнулся старик, доставая ректальные свечи от жара.

А дедушка, вижу, с юмором!

– А кто задувать будет? – прошептала я, едва заметно улыбнувшись. Нет, это чудо! Настоящее чудо!

И от этой мысли я чуть не расплакалась.

Доктор оставил меня отдыхать, а я лежала в чистой комнатке, вдыхая запах вербены и лаванды и слушая, как моё сердце отбивает ритм новой жизни.

Где-то в глубине памяти всплыл голос мужа – не ледяной, а тёплый, почти нежный: «Ты моя звезда, Рианнон. Не гасни».

Это было в тот год, когда я впервые заплакала из-за пустой колыбели. Он обнял меня, прижал к груди, где билось сердце дракона… и сказал, что дети – не главное. Что главное – я.

Я тогда поверила.

Как глупо.

А через месяц пришёл с письмом от короля: «Если у нас не будет наследника – начнётся резня». Наследники древних фамилий передерутся за право занять престол. А это закончится кровопролитием.

Я не поняла тогда: он не просил ребёнка. Он молил о спасении королевства… и не знал, что я – не та, кто может его дать. Никто не знал.

Где-то за окном шел дождь. Где-то в замке смеялась Мелинда.

А где-то в тени, вдыхая запах роз, ждал Смерть.

Я не шагнула за грань.

Я осталась.

И теперь у меня есть время.

Время, чтобы доказать, что даже пылинка может затмить звёзды.

Потому что я жива.

И, чёрт возьми, я ещё не закончила!

Глава 11. Портрет прошлого

Я открыла глаза – и впервые за десять лет почувствовала, что дышу не потому что должна, а потому что могу.

Никакой боли. Никакого спазма. Только лёгкость – будто душа, наконец, вернулась домой и решила остаться.

Тело было лёгким. Слишком лёгким.

Я лежала на простой кровати с белыми простынями, под тонким шерстяным одеялом. На мне – длинная мужская рубаха из грубой, но мягкой ткани. Застиранная почти до полупрозрачности, с запахом дыма, лаванды и чего-то… домашнего. Не замкового. Не герцогского. Просто – человеческого.

За окном – осень.

Золотые листья кружились в медленном танце, будто мир решил подарить мне паузу. Второй этаж. Ни карет, ни стражи, ни шёпота за дверью. Только ветер, шуршание листвы и далёкий крик вороны.

Я приподнялась на локтях. Голова закружилась – не от яда, а от слабости. От того, что тело ещё не верит: «Ты жива. Ты можешь двигаться. Ты можешь дышать – сколько захочешь».

Комната была маленькой, но уютной. Пол – из тёплого дерева. На стене – три портрета в простых рамах. Мужчина. Женщина. Девочка.

Мужчина с доброй улыбкой и усами, будто сошёл с открытки из старинного альбома.

Девочка лет двенадцати, незнакомая и милая.

Женщина на картине – с тёплыми глазами и косой, перехваченной лентой…

Я еще раз взглянула на портрет женщины. Сердце ушло в пятки.

А потом – ударило в виски, как молотом.

Это же… Элла.

Моя Элла.

Два года назад она приносила мне чай по утрам. Тихая. Всегда с опущенными глазами. Звали её Элла. Она была моей горничной!

Сердце вдруг обрадовалось. Неужели я в ее доме?

Люди на портретах смотрели на меня, как будто знали: я – не гостья. Я – спасённая. Я мысленно кивнула им – как старым знакомым.

«Спасибо, что приняли», – прошептала я, преисполненная благодарности.

Не каждая бывшая горничная, получившая расчет, готова спасти с улицы свою бывшую хозяйку.

И девочка на портрете, кажется, улыбнулась в ответ моим мыслям.

На столике у кровати – ваза с полевыми цветами (ромашки, васильки и какая-то красивая веточка с дерева с неизвестными мне цветами), стопка книг и чашка с остывшим отваром.

Я присмотрелась.

«Основы травничества».

«Лечение ядов у людей. Противоядие».

«Последствия отравлений. Практические примеры».

Я попыталась встать. Ноги дрожали, но держали. Я сделала шаг к двери – и в этот момент она открылась.

Вошёл он.

Доктор Томаш Эгертон – седой, с бородой, как у Деда Мороза, но в потрёпанном халате и с деревянной миской в руках. Из неё шёл пар и аромат куриного бульона с травами.

– А-а! – воскликнул он, увидев меня на ногах. – Ну наконец-то! Хоть кто-то в этом доме научился слушать мои советы: «Лежи, не вставай, пока не перестанешь видеть двух докторов вместо положенного одного!». Кстати, сколько докторов видишь?

– Одного, – вздохнула я, глядя на ароматный бульон.

Доктор поставил миску на стол, подошёл ближе и, не спрашивая разрешения, положил холодную сухую ладонь на мой лоб.

– Температуры нет. Пульс ровный. Зрачки – нормальные. – Он кивнул с удовлетворением. – Значит, яд вышел. Опасность миновала.

Я вздохнула, словно с души упал огромный камень. Мне до сих пор не верилось, что я жива. После того, что мне пришлось пережить, это было сродни чуду!

– Как вы меня нашли? – прошептала я.

Глава 12. Только не это!

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом усмехнулся:

– Мне кто-то постучал посреди ночи. Я не спал, стирал бинты, проверял зелья. Я открыл. Никого. Ну, думаю, показалось. Только собрался уходить, как вдруг увидел тебя в десяти метрах от моего крыльца. Ты лежала в луже, корчась в муках…

Он подошёл к столу, взял миску и протянул мне.

Нет, это я удачно бежала! И удачно свернула в переулок, где живет не просто доктор, а настоящий профессионал. Но кто тогда стучал ему в дверь? Я постучать не могла. Может, кто-то из прохожих заметил меня и решил помочь?

Кто бы это ни был, я ему благодарна.

– Ешь. Ты голодна. И не спорь – я видел, как твоё тело корчилось на брусчатке. Это не просто яд. Это змеиный настой с примесью чёрного корня. Его дают только тем, кого хотят убить… тихо. Надеюсь, ты не сама его выпила?

Глаза доктора посмотрели на меня с укором и подозрением.

– О нет! – воскликнула я. – Я бы никогда не стала!

– Вот и правильно. Жизнь – это бесценный дар. И глупо лишаться его под влиянием эмоций! – строго произнес доктор.

Я съела несколько ложек золотистого бульона, чувствуя, как каждая капля превращается в новые силы.

– Сообщать куда-то будем? – спросил доктор Томаш, пока я допивала бульон и закусывала хлебом.

Пожаловаться герцогу на герцога – не самая лучшая идея. А уж тем более мелькать в доме, где тебя считают мертвой!

– Куда? – спросила я, отставляя пустую тарелку. – Кому в наше время можно пожаловаться безнаказанно? Разве что герцогу, но к нему я не пойду ни за какие деньги!

Я не успела договорить, как лицо доктора изменилось.

– Не вздумай! Не ходи! Арбанвиль… Тот самый, у кого драконье сердце и человеческая жадность. Лучше забудь! – резко произнес доктор, глядя на меня. – Тебе есть куда идти? Может, сообщить родственникам?

– У меня никого нет, – честно призналась я. – И идти мне некуда. Мне очень неловко, что я обременяю вас и вашу семью своим присутствием и…

Доктор посмотрел на портреты, а потом вздохнул, словно о чем-то сокрушаясь.

– Нет у меня больше семьи. Моя жена работала служанкой в доме герцога Арбанвиля! – коротко ответил он. – Нечистая это семейка! Из-за этих проклятых Арбанвилей моя жена и дочь мертвы!

Глава 13. Ирония судьбы

Что? Я дернулась, не веря своим ушам. Мне сказали, что Элла получила расчет по семейным обстоятельствам. И так спешила, что даже не попрощалась. Мне приставили новую служанку. Ту самую, которая всем растрезвонила о том, что я – отравительница! Ту самую, которая подкинула в мои вещи полупустой флакон с ядом!

– А я говорил ей, что денег хватит и вовсе не обязательно идти на работу в поместье. Но она свое заладила, дескать, дочке нужно хорошее приданое! Ей скоро замуж! Вот бы денег поднакопить… – произнес доктор, опустив глаза.

– Вы сказали, ее убили? Верно? – взволнованно прошептала я, глядя на доктора.

– Да. Однажды, примерно два года назад, моя Элла вернулась домой взволнованная. Я спросил, что случилось. Она сказала, что не может сказать. Это тайна. Тайна, которую она сегодня случайно узнала. Я еще сказал ей тогда, что с тайнами богатых и влиятельных людей нужно быть поосторожней. Она все ходила по комнате и твердила, что должна рассказать госпоже. Я запретил ей вообще кому-либо о чем-либо рассказывать. Пусть не лезет не в свое дело. Но она уверяла, что обязательно должна рассказать герцогине о том, почему бедняжка не может родить наследника! Она слышала разговор. Я запретил строго-настрого! Но, видимо, мой совет опоздал.

Доктор Эгертон сжал руки на коленях.

– Ее убили вместе с моей дочерью. Неподалеку от поместья. Дочь бежала к матери с радостной и невероятной новостью о том, что к ней посватался сын богатого торговца, Джеймс Миллиган, которого она очень любила… И застала убийц. Они не могли оставить свидетеля. Потом всем объявили, что это были грабители. Но сами посудите? Какие грабители, если даже деньги не пропали? Короче, во всем виновата эта проклятая семейка!

О нет! Быть такого не может!

В комнате повисло неловкое молчание. Я пожалела, что затронула эту тему.

– Мне жаль, – искренне произнесла я, мысленно укоряя себя за свою бестактность.

– Тебя-то как зовут? – спросил доктор Эгертон.

– Нонна, – ответила я, быстро сориентировавшись.

Услышав историю доктора, я решила, что лучше помалкивать. Нонна и Нонна. Какое-то имя странное получилось. Ну да ладно!

Теперь я смотрела на лицо Эллы, запечатленное на портрете, – и понимала.

Меня спас человек, чью семью убили… из-за того, что его жена хотела спасти меня.

Она умирала – и думала обо мне. А я… Я даже не заметила, что она исчезла. Я была слишком занята своими делами и переживаниями по поводу отсутствия детей, чтобы замечать рядом кого-то кроме своей боли.

И теперь её муж спасает меня от смерти.

Такой иронии не хватило бы даже Смерти… На такое способна только жизнь.

Глава 14. Платье покойницы

– Ты можешь остаться здесь, Нонна, – предложил доктор. – Мне нужна помощница. Только не шаляй-валяй! А серьезная женщина. Чтобы я сказал – она быстро принесла. Чтобы

умела бинты менять, кровь с пола вытирать, постельное и повязки стирать. Если надо – покормить пациента с ложечки… Но, боюсь, не каждой такое под силу.

– Нет, почему же? – возразила я, цепляясь за шанс начать новую жизнь и отплатить благодарностью за помощь. – Я готова вам помочь!

– Точно? – прищурился доктор. – Обмороков и «Ах, доктор, я на свидание! Пациенты, не умирайте, у меня любовь!», надеюсь, не будет?

Я кивнула. Медленно. Твёрдо.

– Нет. Не будет!

– Тогда ешь, – сказал он. – Потому что месть – дело голодным не под силу.

– С чего вы взяли, что я хочу отомстить? – удивилась я, глядя на доктора Эгертона, как на экстрасенса.

– Наверное, потому что ты сквозь зубы шептала проклятия, обещая отомстить кому-то за позор, – усмехнулся он.

Я покраснела до корней волос. Видимо, в бреду от яда я не только молилась Смерти, но и ругалась, как портовая грузчица.

На следующее утро доктор принёс мне платье – простое, льняное, с вышитыми по подолу полевыми цветами.

– Это было у моей дочери, – сказал он тихо, не глядя на меня. – Лили так и не успела его надеть. Она хотела на помолвке быть именно в этом платье.

Я провела пальцами по вышивке. Лепестки васильков были чуть кривоваты, но такими милыми – будто шила их девочка, которая мечтала о счастье, а не о том, как выжить.

Платье село как влитое. Словно сшито для меня. Только рукава были чуть-чуть коротковаты. Но это не страшно.

– Спасибо, – прошептала я, тронутая таким подарком.

– Не благодари. Просто не растяни его на костях, – буркнул он и тут же добавил: – Хотя… ты и так на костях. Надо бы тебя откормить. Иначе пациенты начнут думать, что я тебя кормлю исключительно травяными отварами и клизмами.

– Может, не надо? – спросила я, осматривая свою фигуру.

– Что значит «не надо»? – удивился доктор. – У тебя руки должны быть сильными! Тебе вон какая работа предстоит!

Согласна.

Глава 15. Нескромные вопросы

Так началась моя новая жизнь.

Три дня я ходила за доктором хвостиком. Запоминала, где стоят зелья: «Это – от жара. Это – от лихорадки. Это – для заживления! Видишь, оно мутное…

– Мутное, – написала я, вглядываясь с дотошностью сыщика на зелье. – Для заживления.

– А это – чтобы не умереть от дурацких мыслей. Последнее – самое востребованное, – усмехнулся доктор, а я увидела огромную бутылку, похожую на те, с которыми изображают пиратов. – У них есть свои поэтические названия. Хотя, что может быть поэтичного во внутренностях, боли и безысходности? Но маги есть маги. Так что записывай. Сердце Луны – обезболивающее. Сердце дракона – от кашля.

Я пыталась уловить хотя бы тень логики, но она не падала на девственный разум магов, когда они изобретали названия.

Если бы в нашем мире так называли лекарства, я бы до сих пор смеялась. «Мария Ивановна, вам «Последний вздох влюблённого дракона» от давления или «Слёзы старой ведьмы» от изжоги?

– Не понимаю, – ворчала я, записывая названия в тетрадь. – Зачем нужно придумывать такие названия? Нельзя просто написать «От кашля», «От головной боли»?

– О, ты едва ли не постигла великий смысл бытия. Будь осторожна. Еще немного и раскроешь великую тайну! – усмехнулся доктор Эгертон. – Зелья называются не просто так. Их изначально делали для аристократов. Представь, старому барону плохо. И на весь дом орут: «Молли! Неси зелье от поноса!» или «Долли! Срочно графине нужно принести средство от соплей!». А как звучит: «Молли, срочно принести господину «Звездную Ночь»!» или «Долли! Срочно беги за «Нежным касанием»!» Или ситуация в аптеке! Ты просишь «Поцелуй старой ведьмы», а не зелье от колик! В век нашей чопорности такие названия – необходимость. Смекаешь, в чем дело?

Вынуждена была согласиться.

Теперь надо все это как-то запомнить! Только меня до сих пор забавляло. «О, а «Нежное касание» не вызывают привыкание? Тогда мне… апчхи… «Слезы единорога», две упаковки «Улыбки невесты» и… апху… «Нежное касание», три флакона. Спасибо».

А тут ещё и доктор серьёзно: «Не забудьте «Поцелуй Смерти» – он от головной боли, но вызывает привыкание. Как кофе по утрам».

О боги… Я бы точно уволилась!

Да, мне еще многое предстоит узнать!

– Можно нескромный вопрос? Почему у вас так мало пациентов? – спросила я, глядя на несколько исписанных листов в руках. – Нет, вы не подумайте, это не упрек. Вы – чудесный врач, раз смогли вытащить меня… эм… с того света! Но меня поражает, что у вас нет очередей?

Глава 16. Санитарка

– Наверное, потому что я не умею льстить! – вздохнул доктор. – Ах, какая у вас очаровательная язва, мадемуазель! Я в жизни не видел ничего прелестней этой язвы! Она напоминает цветок… Или… Сэр, у вас такие очаровательные газы! Я в жизни не нюхал ничего прекрасней! А ваша сыпь! Словно россыпь звезд на небосводе! Так бы и любовался, если бы не знал средства, как ее вылечить за неделю! А какие у вас сопли, мадам! Я видел этот невероятный оттенок в модном магазине одежды! Надо же, у вас такие модные сопли!

Доктор рассмеялся. Но смех получился грустным.

– Да, я такой. Прямолинейный. И привык называть вещи своими именами! – с ноткой раздражения в голове заметил Томаш. – Я не люблю лицемерие. Оно мне чуждо. Поэтому я предпочитаю говорить всё как есть!

Я училась мыть инструменты в кипятке с солью, специальным зельем и уксусом, отстирывать бельё в ледяной воде с пеплом и щёлоком, заваривать чай из трав, который помогает организму окрепнуть после потери крови. И тот, который помогает от лихорадки. Десятки рецептов чаев были записаны мной и теперь висели на крошечной кухоньке, чтобы я могла вовремя сориентироваться.

Все знания, которые я получала от доктора, я записывала на листочки. Но несколько раз я их путала и теряла, поэтому мои знания переехали в потрёпанную тетрадку, которую доктор достал из ящика со словами:

– Это дневник моей жены. Здесь не хватает листов. Листы вырвал я. На всякий случай. И сжёг их в камине. Так вот. Моя жена всё записывала. Даже когда я чихнул в третий раз за день. «Муж заболел. Симптомы: самодовольство и сопли». Думаю, тебе пригодится для записей. А то у тебя уже тетрадка кончилась.

Я улыбнулась сквозь слёзы, слыша нотки ностальгии в голосе. Никогда не думала, что всё повернётся именно так. Но я была благодарна доктору и всем сердцем рвалась работать!

На пятый день я проснулась от криков.

Резкие, отчаянные, разрывающие утреннюю тишину.

– Сюда! Заносите!

Глава 17. Помощница или декорация?

Я расправила платье, собрала волосы и бросилась на первый этаж, где размещалась больница.

Дверь распахнулась с грохотом, и двое мужчин внесли третьего – бледного, окровавленного, без сознания. За ними, спотыкаясь, бежала женщина в простом сером платье, с растрёпанными седыми волосами.

– Сынок! Сынок, очнись! – рыдала она, пытаясь прикоснуться к лицу раненого.

Я немного растерялась, но доктор уже был на ногах.

– В операционную! Быстро! – скомандовал он, и его голос стал ледяным, как у Абертона, только без равнодушия – с огнём внутри.

Я метнулась к седой женщине, которая тоже хотела прорваться в операционную, но я перегородила ей путь.

– Пойдёмте, сядьте, – мягко сказала я, отводя её в угол к окну. – Вы ему сейчас не поможете.

– Это сын! – всхлипнула она, цепляясь за мою руку. – Вернулся с войны… Говорил, что хочет начать всё сначала… Ухаживал за девушкой… Всё складывалось… А потом появился этот… этот… – она не договорила, только зарыдала ещё громче.

Я принесла ей стакан воды и уже подумывала сделать успокаивающий чай, но в этот момент доктор рявкнул:

– Нонна! Где ты?! Мне нужно «Сердце Луны»! Быстро!

– Простите, – сказала я несчастной матери. – Я вынуждена вас оставить ненадолго… Доктору нужна помощь…

– НОННА! – голос доктора напоминал рык. – БЫСТРО! СЕРДЦЕ ЛУНЫ!

Я бросилась к полкам, схватила первую склянку с фиолетовой меткой и тут же побежала к доктору.

– Не то! – заорал он, ножницами срезая окровавленную одежду. – Это «Слёзы Вдовы»! Хочешь, чтобы он умер красиво, но навсегда?! Что ты летаешь, как пьяная муха вокруг лампочки! Быстрее!

Я замерла на секунду – и рванула к третьей полке.

– Вот! «Сердце Луны»! – прошептала я, протягивая зелье.

– Открой!!! – заорал доктор. – Не видишь? У меня руки заняты! Я рану зажимаю!

– Д-да, – пробормотала я, пытаясь совладать с хитрой пробкой.

– Ну живее, живее… – торопил доктор, а у меня самой руки тряслись.

И я открыла зелье, протягивая ему.

– Наконец-то! – проворчал он, хватая склянку. – Следующий раз, когда я крикну – не беги к мамочке, беги ко мне! Иначе я начну думать, что ты моя помощница или декоративная ваза? Мы здесь, чтобы спасать задницы! А не целовать задницы их родственников!

Глава 18. Дар

Теперь я понимала, почему пациентов здесь немного.

Я вышла проверить, как там матушка бедняги.

– Давай, малец! Держись! – слышался голос доктора из-за приоткрытой двери. – Не вздумай мне умирать!

В этот момент побледневшая мать рухнула в обморок.

– О боги… – выдохнула я и бросилась к ней. Подняла, усадила на стул, который вытащила из соседней комнаты, плеснула воды на лицо из недопитого стакана.

– Нонна! – снова заревел доктор. – Ты там устроила спасательную миссию для всех, кроме того, кто реально умирает?!

– Иду! – крикнула я, оставив женщину приходить в себя, и бросилась обратно.

Я помогала доктору бинтовать рану на груди парня – глубокую, зияющую, будто зверь вцепился. Руки дрожали, но я держала повязку крепко.

Меня реально мутило. Я понимала, что сейчас потеряю сознание от такого количества крови. Это просто выше моих сил.

Когда всё было сделано, доктор устало опустился на стул. В одно мгновение чудовище в белом халате превратилось в старого, измученного человека.

– Молодец, – бросил он, не глядя на меня. – Хотя сначала думал, что ты устроишь тут спектакль: «Трагедия одной матери и не хотите ли чашку чая!».

Я улыбнулась сквозь слёзы усталости, вспоминая, что действительно хотела предложить чай.

– Запомни. Мне плевать на родственников, которые живы и вполне здравствуют, раз сумели сюда прийти! – произнес доктор, хмурясь. – Мне не плевать на пациента, которому нужна помощь! Поэтому никаких расшаркиваний вежливости перед родными! Это всё бестолково и бесполезно! Никаких стульев и кресел! Иначе они не уйдут отсюда! А мне здесь толпа не нужна!

Ну, здесь я его мнение разделяла, но не до конца. Я считала, что хотя бы кресло должно быть. Но пока что не решалась озвучить свои предложения.

– Проверь пульс, – вздохнул доктор, а я кивнула, беря пациента за руку, пытаясь нащупать его. Сначала мне казалось, что пульса нет. Но потом я поняла, что он просто очень слабый.

И вдруг…

Я почувствовала, как выхожу из тела. В эту же секунду я увидела того самого парня, который метался по комнате в панике. Он был полупрозрачным, словно призрак.

Мой взгляд упал на меня, сидящую рядом с пациентом, и на него, лежащего на кровати.

– Тише, – прошептала я, глядя на призрака. – Я прошу вас успокоиться…

– Успокоиться? – дернулся он. – Вы это называете успокоиться?

Он показал на свое тело, которое лежало в метре от нас.

– Всё хорошо, – сглотнула я, удивляясь, что он меня слышит. – Давайте без паники! Ладно? Вы сейчас вернетесь обратно… В свое тело…

Боже, что я говорю! Но ведь так не должно быть, чтобы душа вот так вот разгуливала по комнате отдельно!

– Всё хорошо. Мы вас вылечим, – продолжала я, видя, как парень смотрит на меня с удивлением и недоверием.

– Ты что? Костлявая? – спросил он, шарахаясь от меня.

– Нет! – возразила я. – Я – медсестра!

Я смотрела на парня. Странная мысль посетила меня.

А вдруг он не может вернуться? Вдруг он не знает, как это сделать? Но я же как-то возвращаюсь?

Глава 19. Показалось…

– Вы главное – никуда отсюда не уходите! Никуда! Всё будет хорошо! – попросила я. – Всё хорошо. Скоро вы придете в себя.

– Понятно, – произнес парень, хотя по глазам видела, что ничего ему не понятно. И страшно.

Я подошла к нему, только собралась взять за руку, чтобы попытаться затолкать его обратно в тело, как вдруг меня дернуло, и я очутилась на стуле с чужой рукой в своей руке.

– Эй, ты там уснула? – послышался обеспокоенный голос доктора. Я дернула головой и обернулась.

– Жив, – прошептала я. – Пульс есть…

– Я просил тебя посчитать пульс, а не узнать, есть он или нет! – вскипел доктор Эгертон, как чайник.

В этот момент я почувствовала себя плохо. Меня затошнило, и я бросилась прочь. Зависнув над раковиной, я понимала, что тошнота прошла, а вот легкий звон в голове остался.

– Это что сейчас было? – спросила я у своего бледного отражения.

«Редкий дар!» – пронеслись в голове слова Смерти.

Может, это и есть тот самый редкий дар? То, что я как бы могу выходить из тела?

Когда что-то в жизни случается непонятное, лучше всего списывать всё на усталость. Вот и я решила, что на моей усталости еще поместится один инцидент с выходом души из тела.

Умывшись холодной водой, чтобы привести себя в чувство, я вернулась в приемный покой, решив пока не заморачиваться.

Когда вернулась, доктор как раз выпроваживал несчастную мать:

– Идите домой. Отдохните. Обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы он жил дальше и наделал вам кучу внуков!

Женщина упиралась, рвалась к сыну:

– Я не оставлю его!

Тогда я подошла и тихо сказала:

– Он чувствует ваш страх. Вы знаете, как нервы родных передаются пациентам. Оставайтесь рядом – но не здесь. Дома. Пусть знает, что вы ждёте. Это… это важнее, чем слёзы у его кровати. От ваших слёз ему может стать только хуже…

Растрёпанная и безутешная мать посмотрела на меня – и кивнула, словно соглашаясь, что слезами горю не поможешь.

Когда дверь закрылась, доктор тяжело вздохнул:

– У парнишки мало шансов. Очень мало. Нож прошёл слишком близко к сердцу. И яд в ране… Кто-то хотел убить наверняка.

Следы крови уже впитались в доски пола, но я тёрла, пока не стало чисто. Потом собрала окровавленные простыни и потащила их к корыту во дворе.

Кровь лучше всего отстирывалась свежая, в холодной солёной воде. Я тёрла её, пока пятна не стали выцветать. Пальцы уже ничего не чувствовали, но я усердно тёрла, изредка позволяя себе отогреть руки дыханием.

В голове всё ещё стоял образ – чёрный плащ, белые волосы, глаза с серебряными искрами…

«Глупости, – прошептала я себе. – Просто яд. Просто агония. Мозг начал выдавать картинки, как в детстве, когда боишься темноты».

Но… как же реалистично всё было. Даже запах – розы и пепел – я до сих пор чувствовала его во сне.

Я повторяла себе, что это был яд. Галлюцинация. Но пальцы всё ещё помнили холод его костей… И странное волнующее тепло, что разлилось под кожей от его прикосновения.

Глупость. Опасная глупость.

Но если бы он пришёл сейчас – я бы… Я бы не отвернулась. Наверное…

Глава 20. Тайный знак

Я вспомнила притягательную холодную красоту, взгляд, тень улыбки. Интересно, где мое подсознание откопало этот шикарный образ?

Я повесила выстиранное белье во дворе, устало глядя на то, как с клена с шелестом падают листья.

Ветер вдруг донес отчетливый запах роз и пепла.

Я замерла, словно прислушиваясь к своим ощущениям.

Он где-то рядом.

Но я тут же отогнала эту мысль, вспоминая холодное прикосновение.

Наверное, это просто соседка выращивает розы. И что-то сжигает в камине.

Прислушиваясь, я развесила белье, оставив его шлепать на осеннем ветру.

И снова упал лист. Красиво переворачиваясь в воздухе.

Вот так и я упала. Хотя нет.

Лист уже больше никогда не поднимется. А я поднимусь!

Сжав в кулак замерзшие после стирки руки, я поклялась себе, что однажды отомщу! Поднимусь и отомщу!

Да, черт возьми! Если бы меня спросили, чего я хочу больше жизни, я бы ответила – мести. Ни золота, ни роскоши. Мести. Только она могла бы заставить меня стать по-настоящему счастливой.

Потому что счастье – это не платья и замки.

Счастье для обиженного – это справедливость.

Может, кто-то мне скажет о том, мол, брось всё это! Зачем тратить время на месть? Но нет. Я не соглашусь. Если все вдруг откажутся от мести, то зло будет разгуливать безнаказанным. Оно больше не будет вздрагивать при мысли о том, что его настигнет расплата за злодеяния. Не будет бояться случайной тени на стене. Не станет шептать страшное слово “карма” и оглядываться. И быть может, именно моя месть остановит цепочку злодеяний в роскошном особняке Арбанвиль!

Я уже собралась вернуться в дом, как вдруг заметила черный лепесток розы, лежащий среди ярких листьев. Я осмотрелась, вздрогнула и тут же поспешила юркнуть внутрь.

Сердце билось от волнения, испуга, когда я закрыла за собой дверь на засов. Словно засов может спасти меня от… от… смерти.

“Ты просто перенервничала. Сегодня был очень нервный денек!” – успокаивала себя я.

Шатаясь от усталости, я прошла по узкому коридорчику первого этажа, где размещалась маленькая больничка, состоящая из операционной, приемного покоя, палаты и санузла.

Я опустилась в кресло. Ноги не держали.

– Сильно я на вас орал сегодня? – спросил доктор, видимо решив, что мое состояние связано с ним.

Глава 21. Старый друг

– Ну так, – ответила я, глядя на доктора Эгертона. – Есть немного.

– Вы уж извините, – заметил он уставшим голосом. – Наверное, поэтому помощники у меня не задерживаются. Когда речь идет о жизни пациента, я превращаюсь, как говорила моя жена, в чудовище!

– Ничего страшного, – ответила я, прекрасно его понимая. – Сама виновата. Перепутала зелья. Это была моя ошибка. И вы были в своем праве.

– Это хорошо, что вы не обиделись, – вздохнул доктор, почему-то подходя к окну.

– Пациента кормить? – спросила я.

– Вряд ли он сегодня придет в себя, – задумчивым голосом произнес доктор Эгертон. – Теперь главное, чтобы мальчишка дожил до утра.

– Доктор, – не выдержала я, решив задать мучающий меня вопрос. – А бывают… странные видения перед смертью?

Доктор Эгертон поднял глаза на меня.

– Ещё какие, – кивнул он. – Особенно при отравлении чёрным корнем. Люди видят чудовищ, монстров, умерших родных… Однажды пациент клялся, что его уносил на крыльях золотой дракон. А на деле – просто лежал в луже собственной рвоты.

Я покраснела. Значит, это была просто галлюцинация? Бред?

– Значит… это не было… настоящим? – спросила я, еще не решив для себя, хорошо это или плохо.

– Настоящим было твоё сердце, которое билось, – сказал он тише. – А всё остальное – тень страхов, обрывки воспоминаний, мечты. То, что всплыло из глубин твоего сознания. Яд просто взбаламутил воду. Вот оно и поднялось на самый верх…

Я кивнула. Понятно.

«Значит, всё. Конец сказке. Никакого красавца с белыми волосами не существует. Только яд, боль и чудо, что я жива».

Что ж, где-то я себе придумала красавца-смерть, который просто явился ко мне в момент моего позора. Эдакий черный рыцарь на костлявом коне.

Я снова задумалась.

Интересно, как тогда я сбежала с аукциона? Или я стала умирать там, а меня просто вышвырнули на улицу, мол, не надо портить настроение гостям своим унылым трупом?

Что ж, если это правда, то я не удивлюсь.

Доктор Эгертон молчал, глядя в окно, где уже сгущались сумерки. Ого! Вот это день прошел. Я даже не заметила!

– Сегодня ко мне придет гость, – нарушив тишину, произнес доктор Эгертон. – Мой старый закадычный друг…

Я посмотрела в темноту окна.

– О, я рада, что у вас есть друзья. И ничего не имею против, – улыбнулась я на всякий случай.

– Единственное, о чем я попрошу тебя, – вздохнул доктор. – Сделай нам чай.

– С удовольствием, – кивнула я. – Старые друзья – это всегда хорошо.

– Нонна, – позвал доктор, глядя на меня. – Я попрошу тебя. Будь с ним осторожна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.